

Изъ воспоминаній Н. А. Малевскаго-Малевича

Глава шестая

Тетушка Надежда Александровна Розова, о которой я упоминалъ въ главѣ 4-ой, вышла замужъ уже не молодой дѣвицей. лѣтъ 35-ти, за доктора медицины Константина Михайловича Балашова, прозектора анатоміи въ Московскомъ Университетѣ.

По разсказамъ тетушки, Константинъ Михайловичъ родился въ домѣ небогатаго помѣщика одного изъ лѣсныхъ уѣздовъ Смоленской губ. Онъ осиротѣлъ еще ребенкомъ и по достиженіи школьныхъ лѣтъ былъ помѣщенъ родственниками въ 1-ую Московскую гимназію пансіонеромъ, на казенный счетъ. Туда же вскорѣ поступилъ братъ Надежды Александровны—Константинъ Александровичъ Розовъ. Этимъ и началось знакомство Балашова съ семьей Розовыхъ, гдѣ онъ впоследствии былъ принятъ, какъ свой. Хотя и предоставленный своими родственниками на произволъ судьбы, Константинъ Михайловичъ велъ себя въ гимназіи образцово, учился усердно и пользовался среди своихъ товарищей большимъ уваженіемъ за огромную физическую силу, невозмутимое спокойствіе и упорный характеръ. Гимназію онъ окончилъ успѣшно и поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго Университета на казенную стипендію. Этимъ опредѣлилась вся послѣдующая его карьера: какъ казенный студентъ на отличномъ счету, онъ по окончаніи курса былъ оставленъ при Университетѣ, защитилъ докторскую диссертацию и получилъ мѣсто прозектора анатоміи съ казенной квартирой. Въ стѣнахъ Университета, гдѣ онъ жилъ сперва казеннымъ студентомъ, а потомъ прозекторомъ, провелъ онъ и свою юность и всѣ 35 лѣтъ своей ученой службы. Другой „alma mater“ у него не было.

Въ домѣ Розовыхъ Константинъ Михайловичъ былъ принятъ со студенческихъ лѣтъ и пользовался большимъ расположеніемъ дѣдушки Александра Ивановича. Но прошло не мало времени, пока Константинъ Михайловичъ и Надежда Александровна поняли, что они созданы другъ для друга. Дѣдушки уже не было въ живыхъ и благословила ихъ на бракъ бабушка Юлія Федоровна Розова. Мнѣ было тогда около 8-ми лѣтъ и я хорошо помню, какъ Константинъ Михайловичъ, придя къ намъ однажды въ обычный часъ, долго бесѣдовалъ съ бабушкой въ ея комнатѣ и какъ потомъ позвали тетущку Надежду Александровну, и бабушка, указывая ей на Константина Михайловича сказала: „вотъ тебѣ женихъ, а ты ему невѣста“, а потомъ заплакала, и стала цѣловать ихъ обоихъ и крестить.

Помню и тетущкину свадьбу. Меня посадили съ образомъ въ карету и повезли въ домовую церковь Университета, на углу большой Никитской и Моховой, гдѣ состоялось вѣнчаніе. На мнѣ была новая канаусовая рубашечка цвѣта „солферино“, подарокъ тетущки, подпоясанная золототканымъ пояскомъ съ кистями, черные плисовые шаровары и козловые сапожки съ красными отворотами. Помню, что изъ церкви, послѣ вѣнчанія, поѣхали въ какой-то незнакомый домъ, гдѣ было много народа и гдѣ меня угощали шеколадомъ, конфетами и сладкимъ пѣнистымъ виномъ. Домой я привезъ со свадьбы большую сахарную конфету въ серебряной бумажкѣ съ бантомъ и картинкой и долго хранилъ у себя въ завѣтной шкатулкѣ эту драгоценность.

Константинъ Михайловичъ имѣлъ представительную внѣшность: средняго роста, плечистый, большеголовый, съ шапкой черныхъ волосъ и съ густой окладистой бородой, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка богатырской силы и желѣзнаго здоровья. Такимъ онъ и былъ съ молодости: но тяжелый трудъ въ анатомическомъ театрѣ и особенно судебно-медицинскія вскрытія надорвали его организмъ раньше времени. Его дѣятельность несомнѣнно отражалась и на его настроеніи,— онъ бывалъ временами очень молчаливъ и угрюмъ. Но кто зналъ его ближе, открывалъ подъ этой непривѣтливой оболочкой чувствительное сердце, полное благородныхъ порывовъ, и не могъ не уважать прямоты его характера и честности его взглядовъ. Всякая условность, притворство, искательность возбуждали въ немъ глубокое отвращеніе. По всему складу своему онъ былъ истинно русскимъ человѣкомъ: сильный тѣломъ и духомъ, горячо преданный родинѣ, неутомимый въ исполненіи долга.

Домашняя жизнь супруговъ Балашовыхъ протекала чрезвычайно мирно; друзья не даромъ называли ихъ „Филимономъ“ и „Бавкидой“;

дѣтей у нихъ никогда не было, они жили другъ для друга, а подѣ старость перенесли на меня и на сестру мою свою сердечную заботливость.

Зимой Константинъ Михайловичъ былъ очень занятъ и мы рѣдко его видали: онъ цѣлые дни проводилъ въ анатомическомъ театрѣ, занимаясь съ сотнями студентовъ медиковъ первокурсниковъ. Зато лѣтомъ, въ вакаціонные мѣсяцы, мы, дѣти, были постоянными спутниками его деревенскихъ досуговъ. Тетушка съ мужемъ проводила лѣто въ своемъ Лукьяновѣ. Здѣсь Константинъ Михайловичъ отдыхалъ отъ зимнихъ трудовъ и всецѣло отдавался деревенской беззаботной жизни и невиннымъ деревенскимъ наслажденіямъ: разсаживалъ цвѣты въ саду, стригъ сушь на молодыхъ яблоняхъ, подвязывалъ на балконѣ побѣги цвѣтущей фасоли, собиралъ ягоды; но особенно любилъ ходить въ лѣсъ за грибами, костеникой и ландышами. Въ лѣсу онъ бродилъ часами и мы, дѣти, часто сопровождали его, и распѣвали съ нимъ старинныя пѣсенки, которымъ онъ насъ обучалъ съ голоса. Пѣли втроемъ:

За Ураломъ, за рѣкой
Казакъ гуляютъ,
И стрѣлю калѣной
За рѣку бросаютъ!

или:

Одинъ баронъ, большой любитель псовъ,
Жилъ съ деревенской простотою
Опъ цѣлый день, гоня русаковъ,
Погрызъ въ долгахъ и съ головою.

По вечерамъ, въ Лукьяновѣ, сидя за стаканомъ чая, Константинъ Михайловичъ любилъ слушать наше чтеніе вслухъ; я съ сестрою по очереди читали доступныя нашему возрасту повѣсти Загоскина и Лажечникова и рассказы Купера, Эмара, Майнъ-Рида и Жюль Верна. Константинъ Михайловичъ очень увлекался послѣднимъ, а я больше всего любилъ военные рассказы и много разъ перечитывалъ иллюстрированную исторію семилѣтней войны. Подѣ влияніемъ этой книги— „быть полководцемъ“ сдѣлалось моею мечтою; я воображалъ себя главнокомандующимъ арміей; давалъ въ Лукьяновскомъ саду сраженія непріятелю; бралъ осажденные крѣпости, дѣлалъ смотры, чертилъ планы баталій. Воображеніе мое сильно работало: засыпая по вечерамъ, я рисовалъ себѣ картины походной жизни, передвиженія войскъ и обозовъ, подводилъ счетъ боевыхъ частей и резервовъ. Игра эта продолжалась недѣлями и мѣсяцами и совершенно наполняла мое существованіе, притомъ не требовала ни сверстниковъ, ни осо-

быхъ игрушекъ: достаточно было взять въ руки самодѣльную деревянную саблю и я чувствовалъ себя уже на конѣ, передъ своими полками. Перебѣгая изъ одного угла Лукьяновскаго сада въ другой, я завоевывалъ всю Европу.

Я и сестра моя очень любили бывать у тетушки Надежды Александровны въ университетской квартирѣ. Бывало зимой бабушка Юлія Федоровна соберется къ одной изъ своихъ старинныхъ пріятельницъ—Евгеніи Петровнѣ Рѣшетниковой, или къ Еленѣ Осиповнѣ Жарковой, или къ Екатериѣ Владиміровнѣ Быстроглазовой, а меня съ сестрой, что-бы не оставлять дѣтей дома однихъ, пошлетъ съ нянюшкой Ольгой Матвѣевной къ Балашовымъ обѣдать. Весело ѣхать въ саняхъ по снѣжнымъ сугробамъ московскихъ переулковъ: полозья скрипятъ, легкій морозецъ пощипываетъ щеки, комки снѣга летятъ отъ лошадиныхъ копытъ и закидываютъ полость; вотъ выѣхали къ Никитскимъ воротамъ и по большой Никитской спустились мимо Никитскаго монастыря и старинныхъ барскихъ домовъ къ Университету; вотъ и круглые часы на углу Моховой, по которымъ Москва измѣряетъ свое время. Санки круто поворачиваютъ и въѣзжаютъ въ ворота съ глобусами на каменныхъ столбахъ, за чугунную рѣшетку, на обширный дворъ. Противъ воротъ, на взгорьѣ высокое величественное зданіе съ колоннами и фронтономъ—это аудиторія юридическаго факультета, гдѣ я впоследствии въ 70-хъ годахъ слушалъ лекціи Чупрова, Муромцева, Ковалевскаго. Въ дальнемъ концѣ двора длинный каменный двухъэтажный флигель съ окнами на Моховую. Здѣсь, за небольшимъ полисадникомъ квартира Балашовыхъ. Она не велика—всего шесть комнатъ, но удобна и обставлена очень уютно. Особенно памятна мнѣ тетушкина комната окнами на Моховую, съ старинной дѣдовской мебелью краснаго дерева; тутъ все блеститъ чистотой: и фамиліное трюмо, и спинки кресель, и вещицы на комодѣ, и золоченныя ризы на образахъ въ углу.

Негромко звонитъ колокольчикъ. Дверь отворяетъ прислуга Балашовыхъ древняя старуха Авдотья Савельевна, еще очень бодрая и подвижная для своихъ 70-ти лѣтъ. Савельевна въ черномъ атласномъ повойникѣ, кацавейкѣ, въ покровчатыхъ башмакахъ. Она радостно насъ привѣтствуетъ и, освободивъ насъ отъ наушниковъ, теплыхъ бархатныхъ сапогъ, шубокъ и варежекъ, ведетъ насъ къ тетушкѣ въ столовую, гдѣ уже накрытъ столъ къ обѣду. Надежда Александровна средняго роста, худоцава, очень схожа съ дѣдушкой Александромъ Ивановичемъ: то же блѣдное лицо, высокій лобъ, тѣ же глубоко сидящіе живые глаза и тонкія насмѣшливыя губы.

Обѣдъ у тетушки былъ вкусный и сытный: рыбныя закуски, куриная похлебка, пирожки съ марковью, отбивныя котлеты съ огурцами домашней солки, сладкіе пироги съ вареньемъ. Константинъ Михайловичъ, какъ коренной москвичъ, любилъ хорошо покушать и самъ часто ходилъ въ Охотный рядъ за балыкомъ, бѣлорыбицей и салфеточной икрой, а на Тверскую, къ Андрееву, за сладостями, фруктами и деликатесами. Савельевна при помощи своей сестры Марьи, также старухи лѣтъ 65-ти, готовила превосходно въ русской печкѣ и была мастерица печь ржаной хлѣбъ и пироги, варить квась, солить огурцы, шинковать капусту и выводить куръ. Куроводствомъ она славилась и держала на университетскихъ задворкахъ курятникъ, въ которомъ для предохраненія отъ „глаза“ вѣшала надъ насѣстомъ „куриного бога“—отбитую ручку бѣлаго глинянаго рукомоиника.

Вкусная стражня Савельевны не всегда проходила намъ, дѣтямъ, безнаказанно: когда мы обѣдывали у тетушки, Савельевна не разъ появлялась изъ кухни справиться, какъ намъ понравилось то или другое блюдо, и съ трогательнымъ усердіемъ убѣждала скушать еще. И мы исправно обѣдались то варениками со сметаной, то слоеными пирожками съ рисомъ, то блинами съ икрой и семгой.

Послѣ обѣда Константинъ Михайловичъ шелъ отдохнуть часокъ, другой, а мы съ тетушкой „сумерничали“, сидя въ неосвѣщенныхъ комнатахъ и слушая ея рассказы про былыя времена. Надежда Александровна любила вспоминать свое дѣтство и раннюю юность, когда такъ весело жилось въ домѣ Розовыхъ. Она обладала рѣдкимъ юморомъ и способностью придавать интересъ всякой мелочи изъ пережитаго. Часто, увлекаясь собственной фантазіей, тетушка начинала мечтать вслухъ и чрезвычайно живо описывала намъ какъ-будто когда-то видѣнныя ею далекія страны, гдѣ вѣчная весна, волшебные сады съ пышно цвѣтущими розами, бѣломраморныя замки съ хрустальными крышами, роскошныя праздники, гдѣ все блескъ, молодость и красота. Мы слушаемъ тетушку и любимъ черезъ незавѣшанныя окна ея комнаты, освѣщенной газовыми рожками улицы, мелькающими „ваньками“, которыхъ настигаютъ бѣгущія за ними тѣни, бѣлыми коллонами „экзерсистауза“ на противоположной сторонѣ. Мнѣ особенно нравилось наблюдать, какъ свѣтъ отъ фонарей пробѣгающихъ каретъ быстро скользитъ по стѣнамъ неосвѣщенныхъ тетушкиныхъ комнатъ, придавая имъ какой-то сказочный оттѣнокъ.

Мы оставались у тетушки обыкновенно часокъ до 9-ти. Вечеръ проходилъ не замѣтно. Зажигалась лампа подъ зеленымъ абажуромъ

на чайномъ столѣ въ тетушкиной комнатѣ. Появлялся самоваръ и душистый мягкій „стрицель“ изъ пекарни Филиппова; тетушка доставала изъ завѣтнаго шкапчика разныя лакомства: сухую пастилу, мармеладъ отъ Абрикосова, мятныя пряники, шепталу, деревенскую смокву. У тетушки всегда хранился въ шифоньеркѣ запасъ всякихъ сластей и мы, дѣти, бывало съ нетерпѣніемъ ждемъ, когда наконецъ откроется завѣтный шкапчикъ.

Послѣ чая тетушка раскладывала грань-пасьянсъ „Пакетики“, „Наполеона“ или „картинную галерею“, а мы смотрѣли и старались помогать ей. Къ чаю выходилъ Константинъ Михайловичъ, присаживался ко столу и попивая изъ стакана, молча курилъ папироску. Онъ вообще былъ не разговорчивъ, но иногда вдругъ развеселится и расскажетъ что-нибудь забавное и всѣхъ насмѣшитъ до слезъ. Насъ дѣтей онъ очень любилъ и заботился о насъ по своему. Помню разъ, желая насъ повеселить на масляницѣ, онъ уговорилъ тетушку свезти насъ въ театръ на утренній спектакль. Никогда не забуду восторга, который охватилъ все мое существо, когда я очутился въ ложѣ Малаго Театра. Шелъ водевиль: „Левъ Гурычъ Синичкинъ“ съ любимцемъ московской публики—старикомъ Живокини. Какъ теперь вижу его грузную фигуру въ широчайшемъ сюртукѣ, клѣтчатою жилетѣ и бланжевыхъ панталонахъ; когда онъ спускается въ оркестръ и начинаетъ бить въ турецкій барабанъ. Одно появленіе на сценѣ Живокини вызываетъ смѣхъ въ публикѣ; въ немъ все забавно: губастое лицо, нависшій грушей носъ, тройной подбородокъ, объемистое „чрево“, походка, голосъ; особенно голосъ—скрипучій сиплый, съ уморительными верхними нотками. Нельзя не смѣяться, когда онъ на сценѣ. Такимъ же непосредственнымъ природнымъ комизмомъ отличалась въ то время (конецъ 60-хъ и нач. 70-хъ год.) въ Маломъ Театрѣ комическая старуха—Акимова, превосходно игравшая свахъ, ключницъ и купеческихъ приживалокъ. Я видѣлъ ее въ первый разъ въ „Женитьбѣ Бальзамина“ . Оба эти любимца московской публики—Живокини и Акимова, имѣли ту особенность, что во всѣхъ роляхъ оставались сами собой; не они воплощали собой роль, а роль воплощалась въ нихъ. Кто видѣлъ, напримѣръ, Живокини хотя бы разъ въ роли Осипа въ Ревизорѣ, тотъ не можетъ себѣ представить слугу Хлестакова въ иномъ образѣ.

Сцена Московскаго Малаго Театра въ мои дѣтскіе годы блистала первоклассными талантами. Эго былъ періодъ пьесъ Островскаго, и въ нихъ выступали лучшія силы: Шумскій, Провъ Садовскій, Сама-

ринъ, Васильева, Медвѣдева, Федотова, Никулина. Особенно восхищался я Шумскимъ, который своей умной, тонкой игрой доставлялъ высоко-художественное наслажденіе. Шумскій, въ противоположность такимъ знаменитымъ артистамъ, какъ Живокини, Самаринъ, Садовскій, воплощался до такой степени въ роль, что дѣлался неузнаваемымъ; онъ умѣлъ измѣнять и голосъ, и походку, и весь свой обликъ; только нѣкоторая шепелявость рѣчи его выдавала. Каждой своей ролью онъ создавалъ своеобразный типъ и былъ одинаково хорошъ, какъ въ комическихъ роляхъ, такъ и въ драматическихъ: его „Счастливецъ“ въ „Львѣ“ или скряга-отецъ въ „Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ“ были два совершенно разныхъ типа, и оба превосходны. Такого искуснаго „лицедѣйства“ не встрѣчалъ я впоследствии даже у величайшихъ артистовъ, которыхъ мнѣ пришлось видѣть; Росси, Сальвини, Сара Бернаръ, Дузе—всѣ мѣняли гримъ, прическу, манеры, сообразно съ ролью, и все-таки оставались сами собой: ихъ выдавали и голосъ, и фигура.

Тетка Надежда Александровна сама очень любила театръ; раза два въ зиму водила насъ, дѣтей, на утренніе спектакли посмотрѣть какую-либо пьеску или балетъ. Помню въ первый разъ смотрѣли мы въ Большомъ Театрѣ „Метеоръ“ съ Муравьевой и Лебедевой. Балерину эту очень цѣнила Москва и всѣ жалѣли, когда она вышла замужъ за богатаго помѣщика Шиловскаго и оставила сцену.

Съ теткой ѣздили мы обыкновенно на уроки танцевъ къ когда-то знаменитому московскому балетмейстеру Ивану Карповичу Лобанову. Старикъ тогда уже давно былъ въ отставкѣ и доживалъ свой долгій вѣкъ въ надворномъ флигелѣ собственнаго дома въ Серебряномъ переулкѣ, близъ церкви Николая Явленнаго. Въ то время ему было уже подъ 80, но онъ продолжалъ давать уроки танцевъ у себя на дому. Мы очень любили ѣздить къ Лобанову, у котораго въ пятницу, по вечеромъ собиралось на урокъ десятка два дѣтей, нашихъ сверстниковъ. Въ комнатахъ Лобанова было жарко натоплено и пахло деревяннымъ масломъ отъ лампадокъ, которыя теплились въ каждой комнатѣ передъ иконами. Въ танцевальномъ залѣ крашеный полъ былъ гладко навощенъ и блестѣлъ, какъ зеркало; въ углу стояла большая модель Успенскаго собора изъ пестраго картона съ позолотой, очень искусно сдѣланная зятемъ Лобанова Алферовымъ. Дѣти собирались на урокъ въ 7 часовъ и поджидали выхода Ивана Карповича. Сперва выходилъ изъ боковой двери старичекъ скрипачъ, весь сморщенный, въ потертомъ фракѣ, съ необыкновенно узкими фалдами: онъ садился

скромно у двери и начиналъ осторожно настраивать скрипку. Потомъ срединная дверь растворялась на обѣ половины и въ залу выпархивалъ нашъ 80-ти лѣтній танцмейстеръ. Это былъ худощавый, маленькаго роста старичекъ. кривой на одинъ глазъ. со сморщеннымъ, плохо выбритымъ лицомъ и взбитымъ по-старинному „кокомъ“ сѣдоватыхъ, густо—напомаженныхъ волосъ. Проводя цѣлые дни въ халатъ, Иванъ Карповичъ надѣвалъ на уроки танцевъ какой-нибудь оставшійся въ его гардеробѣ балетный костюмъ. Чаще всего мы его видѣли въ красной суконной курткѣ со свѣтлыми цуговицами. въ короткихъ черныхъ бархатныхъ брюкахъ, бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ и лайковыхъ башмачкахъ съ пряжками. На шею старикъ навязывалъ для тепла шерстяной шарфъ, а иногда появлялся въ отложномъ воротникѣ à l'enfant, съ розовымъ или голубымъ галстукомъ. Комичность его фигуры еще больше выступала отъ контраста между старческой головой и молодой, почти юношеской осанкой, особенно когда онъ, показывая намъ какое-нибудь мудреное „па“, подхватывалъ одну изъ старшихъ ученицъ и вертѣлся съ ней по залѣ. Потерю глаза Лобановъ объяснялъ несчастнымъ случаемъ—въ одномъ изъ балетовъ ему приходилось драться на шпагахъ; на репетиціи противникъ нечаянно выкололъ ему глазъ. Это увѣчье заставило его покинуть сцену, но онъ не бросилъ своего искусства и занялся преподаваніемъ танцевъ сначала въ театральной школѣ, а затѣмъ и во многихъ частныхъ домахъ. Послѣ знаменитаго Югеля никто въ Москвѣ не имѣлъ такъ много уроковъ, какъ И. К. Лобановъ.

Мы чрезвычайно любили ѣздить къ Ивану Карповичу, который насъ забавлялъ своимъ фантастичнымъ костюмомъ, шутками и ужимками, особенно когда передразнивалъ неловкихъ танцоровъ. Мы старательно выдѣлывали разныя *chassés*, а Иванъ Карповичъ, отхлопывая тактъ въ ладоши, подпѣвалъ подъ аккомпанементъ скрипки: „Два часа, два часа, мы свободны отъ ученя“. Эта пѣсенка, по его словамъ, пѣлась учениками театрального училища, гдѣ воспитывался Лобановъ. Не смотря на свои годы, Иванъ Карповичъ танцевалъ превосходно, съ необыкновенной легкостью и граціей. Дѣтей на уроки танцевъ сопровождали родственники, гувернантки няни; на Лобановскіе уроки съѣзжалось не мало публики полюбоваться на дѣтскіе танцы и на престарѣлаго балетмейстера. Послѣдній дѣйствительно былъ великолѣпный: когда нужно было показать новое „па“ старикъ совершенно забывалъ, что онъ не на сценѣ и что ему 80 лѣтъ; онъ съ такой живостью и легкостью вертѣлъ свою даму и такъ порхалъ по залѣ, едва касаясь носками пола, что приводилъ всѣхъ въ восхищеніе. Передъ

разъѣздомъ гостей Лобановъ подходилъ, по тогдашней модѣ, „къ ручкѣ“ ко всѣмъ присутствующимъ дамамъ. Разъ случилось, что насъ, дѣтей, къ нему сопровождала наша няня Ольга Матвѣевна; прощаясь съ гостями, Иванъ Карповичъ и ее не миновалъ: расшаркался передъ нею и со слѣпу чмокнулъ ее въ руку, къ немалому смущенію старушки.

Въ другомъ флигелѣ Лобановскаго дома много лѣтъ жила пріятельница тетушки Варвара Сергѣевна Лаунертъ со своей престарѣлой матерью: Варвара Сергѣевна всегда бывала на урокахъ танцевъ Лобанова и руководила ими. Старикъ, сохранившій, казалось, физическую силу юности, былъ очень слабъ памятью: забывалъ дни и часы уроковъ, не узнавалъ своихъ ученицъ и учениковъ; иногда, думая, что онъ въ балетной школѣ, Лобановъ пытался ввести разные балетные приемы, старинныя „антраша“ и т. п. Варвара Сергѣевна слѣдила и за костюмомъ старика, иначе случалось, что онъ появлялся въ танцевальномъ залѣ въ очень странномъ нарядѣ: то надѣнетъ жилетъ съ цвѣточками на ночную сорочку сомнительной чистоты, то навяжетъ на шею шерстяной чулокъ, то такъ высоко взобьетъ на головѣ свой „кокъ“, что дѣти не могутъ смотрѣть на него безъ смѣха.

Отъ времени до времени Лобановъ устраивалъ своимъ ученикамъ дѣтскіе праздники, съ катаніемъ съ горъ на Рождествѣ и т. д. Мы нигдѣ такъ не веселились, какъ у нашего чудаковатаго учителя танцевъ. Къ сожалѣнію уроки у Лобанова продолжались не долго; онъ сталъ часто хворать и число учениковъ его постепенно уменьшалось; наконецъ и вовсе прекратились наши поѣздки къ доброму Ивану Карповичу.

Вспоминая нашихъ наставниковъ, не могу умолчать о нашей учительницѣ французскаго языка г-жѣ Буру, и учительницѣ англійскаго языка г-жѣ Сисморъ. Последняя прожила у насъ въ домѣ не долго и изъ нашего дома вышла замужъ за пастора англійской церкви въ Москвѣ Витикера. Г-жа Сисморъ была еще очень молода, миловидна и отличалась неудержимой веселостью. Съ нами играла какъ ребенокъ, и ея бойкій смѣхъ и бѣготня наполняли шумомъ весь домъ; чего только не затѣвала молоденькая англичанка, что-бы повеселить насъ и поигратъ сама. Пасторъ Витикеръ, который былъ старше нашей учительницы лѣтъ на двадцать, часто приходилъ навѣщать ее и просиживалъ нерѣдко съ ней цѣлый вечеръ. Бабушка Юлія Федоровна, искренно полюбившая миссъ Сисморъ, рѣшилась переговорить

съ Витикеромъ о ея судьбѣ. Тогда онъ объявилъ себя ея женихомъ и сталъ ей носить подарки, приводившіе ее въ восхищеніе. Вскорѣ состоялась ихъ свадьба. Намъ дитямя, жалко было расставаться съ нашей веселой подругой и мы съ огорченіемъ смотрѣли, какъ накануне свадьбы изъ комнаты миссъ Сисморъ выносили и укладывали на ломового ея сундуки.

Дальнѣйшая судьба нашей юной наставницы мнѣ не извѣстна. Говорили, что пасторъ держалъ свою молодую жену въ большой строгости.

Въ нашемъ домѣ ее замѣнила, въ качествѣ учительницы англійскаго языка, миссъ Вакхорнъ, отличавшаяся большими удачами. Эта рыжеволосая и краснощекая дочь Альбіона постоянно страдала отъ жары, хотя обливалась по утрамъ холодной водой и часто выбѣгала въ одномъ платьѣ на морозъ. Разъ, въ холодную декабрьскую ночь она разбила окно въ своей комнатѣ, что-бы подышать свѣжимъ воздухомъ. Послѣ этой выходки, надѣлавшей не мало хлопотъ, пришлось съ ней разстаться.

Совсѣмъ другимъ человѣкомъ была французенка Буру. Обладая представительной внѣшностью, большимъ апломбомъ и свѣтскими манерами, m-me Буру сумѣла войти въ Москвѣ во многіе богатые дома и составила себѣ обширный кругъ знакомства. У насъ она помѣстилась наверху и прожила четыре года въ качествѣ учительницы, имѣя много уроковъ и внѣ дома. Черезъ нее мы перезнакомились съ большинствомъ ея ученицъ, для которыхъ она устраивала у насъ раза три въ зиму дѣтскіе балы и костюмированные вечера. Такъ, мы подружились съ дѣвицей Буниной, съ княжнами Шаховскими, Урусовыми, съ Феокистовыми, Свѣшниковыми и другими. Образовался кружокъ подростковъ въ возрастѣ отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ, которые видѣлись постоянно то у однихъ, то у другихъ. Для насъ съ сестрой наступило время самаго радужнаго дѣтскаго веселья—праздники шли за праздниками. Сестра моя была особенно дружна съ барышнями Свѣшниковыми (старшая впоследствии вышла замужъ за Охотникова, а младшая за извѣстнаго въ Москвѣ врача Щуровскаго), я же особенно дружилъ съ Буниной и младшей Феокистовой. Обѣ были прелестныя дѣвочки лѣтъ двѣнадцати; Катя Бунина бѣлокурая, съ косой до пояса, которая своей тяжестью оттягивала немного назадъ ея восхитительную головку и придавала ей неприступный видъ, несмотря на пухлыя губки и ямочки на щекахъ; Женя Феокистова—смуглая, тоненькая, по-

хожая на цыганку, съ огромными глазами. Обѣ дѣвочки, гораздо болѣе развитыя чѣмъ я, очень меня любили, ссорились изъ-за меня, ревновали другъ къ другу и цѣловали меня украдкой. Дружба наша поддерживалась частыми свиданіями и особой, выдуманной нами, игрой: мы изображали участниковъ сложнаго свѣтскаго романа, со всевозможными перипетіями, частью заимствованными изъ извѣстныхъ разсказовъ графини Сегюръ. Мы такъ увлекались этой игрой, что даже переписывались другъ съ другомъ на темы о нашихъ фантастическихъ приключеніяхъ въ высшемъ обществѣ.

Мать моей маленькой пріятельницы Кати Буниной была женщина еще молодая, красивая, рѣзко выраженнаго малороссійскаго типа. По своей чрезвычайной добротѣ и снисходительности, она находилась въ полной власти у своей прислуги и особенно гувернантки дочери, миссъ Томпсонъ, очень хорошенькой, но крайне легкомысленной. У Буниныхъ, которые жили въ нашемъ домѣ въ Хлѣбномъ переулкѣ, постоянно гостили разные дальніе родственники. У нихъ царилъ типичный безпорядокъ, столь свойственный помѣщичьему быту перваго періода послѣ освобожденія, когда помѣщичики проживали свои выкупные. Бунина владѣла прекраснымъ имѣніемъ Тульской губ., но никогда туда не заглядывала и лѣто проводила на дачѣ подъ Москвой, а зимой сидѣла въ Хлѣбномъ переулкѣ. Цѣлыми днями сживала она въ своей гостинной съ вязаньемъ и папироской и рѣдко когда выѣзжала. По московскому обычаю каждый день кто-нибудь являлся къ ней запросто обѣдать или провести вечеръ. Все хозяйство велъ бывшій крѣпостной поварь, на рукахъ котораго лежала и отчетность по всѣмъ денежнымъ дѣламъ Буниной. Само собой разибѣется, что такая система скоро привела Буниныхъ къ разоренію.

Домъ Буниныхъ и весь укладъ ихъ жизни далъ бы обильную пищу такому наблюдателю помѣщичьихъ нравовъ эпохи оскудѣнія, какимъ былъ авторъ „Вишневаго сада“; и сама Бунина, и окружающіе ее люди такъ и напрашивались въ Чеховскую драму. Жизнь Буниной дѣйствительно кончилась драмой: она все болѣе и болѣе запутывалась въ своихъ дѣлахъ и это такъ сильно дѣйствовало на ее впечатлительную и нервную натуру, что ее пришлось отвести въ санаторію для психическихъ больныхъ, близъ Берлина, гдѣ она и скончалась въ концѣ 70-хъ годовъ. Осиротѣвшую Катю взяла въ Петербургъ ея тетка г-жа Тулинова. По достиженіи совершеннолѣтія, Катя переселилась со своей старой нянюшкой въ тульское имѣніе, гдѣ самостоятельно повела хозяйство.

Я видѣлся съ Катей передъ ея переѣздомъ въ деревню, когда она по пути въ Тульскую губ. остановилась на нѣсколько дней въ Москвѣ. Подруга моего дѣтства обратилась въ настоящую русскую красавицу. Крѣпко забилось мое студенческое сердце, когда мы стали вспоминать съ ней наши дѣтскіе годы. Но увы, дружбѣ нашей не суждено было возродиться. Катя Бунина не вернулась изъ деревни въ Москву, какъ мнѣ обѣщала; она вышла замужъ за одного изъ своихъ сосѣдей по имѣнью и вскорѣ умерла.

Другая моя пріятельница Женя Феокистова уѣхала съ своей матерью на нѣсколько лѣтъ за границу и вернулась въ Москву также уже взрослой дѣвушкой. Она была по прежнему очень привлекательна. Мы встрѣтились какъ старые друзья и я сталъ бывать у нихъ чуть не каждый день; мать Жени съ видимымъ сочувствіемъ смотрѣла на наше сближеніе. Какъ вдругъ оказалось, что Женя невѣста. Разъѣзжая по разнымъ европейскимъ курортамъ, Феокистовы познакомились въ Остенде или въ Спа съ блестящимъ кавалерійскимъ офицеромъ, бельгійскимъ барономъ съ мудреной фамиліей. Баронъ не устоялъ передъ чарами Жени и, взявъ на Рождество отпускъ, неожиданно явился въ Москву и сдѣлалъ Жени предложеніе. Могъ ли я, тогда студентъ третьяго курса, подумать даже о соперничествѣ съ „знатнымъ иностранцемъ“? Мои завѣтныя мечты разсѣялись, какъ дымъ, когда Женя съ очаровательной улыбкой, радостно изволнованная, протягивая мнѣ обѣ руки, просила меня... быть у ней на свадьбѣ шаферомъ. Однако свадьбѣ этой не суждено было состояться. Мать давала за Женей въ приданое хорошее имѣніе въ Орловской губ., и провѣдавшій объ этомъ „знатный иностранецъ“, ссылаясь на свои бельгійскіе законы потребовалъ, что-бы имѣніе это было переписано на его имя. Само собой разумѣется, что мать Жени не согласилась на такую комбинацію. Съ тѣмъ бельгійскій баронъ и отъѣхалъ въ городъ Малинь, гдѣ стоялъ его полкъ.

Женя Феокистова нѣсколько лѣтъ спустя вышла замужъ за полковника (впослѣдствіи генерала) Рклицкаго.

Какъ я уже сказалъ выше, у насъ въ домѣ по праздникамъ устраивались дѣтскіе костюмированные вечера. Помню особенно хорошо одинъ изъ этихъ вечеровъ, когда я былъ наряженъ маркизомъ XVIII вѣка. Напудренный и надушенный, весь въ лентахъ и кружевахъ, я такъ понравился извѣстному художнику Н. Н. Каразину, бывшему въ числѣ гостей, что онъ вздумалъ писать съ меня портретъ.

Мои свѣтскіе успѣхи закончились для меня не вполне благополучно. На масляницѣ я заболѣлъ скарлатиной и пролежалъ болѣе мѣсяца въ постели. Скарлатина осложнилась дифтеритомъ и когда болѣзнь приняла опасный оборотъ, приглашенъ былъ на консилиумъ извѣстный дѣтскій врачъ профессоръ Тольскій. Эта московская знаменитость очень напугала мою бабушку Юлію Федоровну, сказавъ ей, что не отвѣчаетъ за два часа моей жизни. Я лежалъ въ сильномъ жару, часто бредилъ, а на шеѣ у меня образовался огромный нарывъ причинившій мнѣ невыразимыя страданія; бессонныя ночи ослабляли меня все болѣе и болѣе. Бабушка Юлія Федоровна усердно молилась цѣлителью Понтелеймону и привезла мнѣ отъ иконы Великомученика, что находится въ часовнѣ у Никольскихъ воротъ въ Москвѣ. образокъ Святого. Вскорѣ за тѣмъ, въ одну изъ самыхъ мучительныхъ ночей, на меня вдругъ нашелъ глубокой сонъ, во время котораго нарывъ на шеѣ вскрылся. Съ тѣхъ поръ выздоровленіе мое было обезпечено, но шло очень медленно; я былъ крайне слабъ и, какъ часто бываетъ съ выздоравливающими, раздражителенъ. За долгіе дни своего выздоровленія, я впервые сознательно почувствовалъ, съ какой нѣжной любовью и заботливостью ко мнѣ относятся бабушка Юлія Федоровна, тетушка Надежда Александровна и сестра Еня. Часами сиживали онѣ у моей постели особенно по вечерамъ, когда мнѣ дѣлалось тяжело. Чтобы развлечь меня и усыпить, бабушка напѣвала мнѣ колыбельныя пѣсни, которыми когда-то убаюкивала меня прабабушка Дарья Карловна. Слушая старыя напѣвы, я переносился мыслью въ свое раннее дѣтство и живо вспоминалъ милую старушку, какъ она приходила каждый вечеръ въ мою дѣтскую и сидѣла у моей постели, пока я не засыпалъ.

Но какъ отрадно было возвращеніе къ жизни послѣ длительной и тяжелой болѣзни! Я уже могъ сидѣть въ постели, съ удовольствіемъ ѣлъ бульонъ и котлету и разсматривалъ книги съ картинками. Отъ дѣдушки Александра Ивановича досталась намъ англійская игра; картонная лошадка на качающейся подставкѣ: къ лошадкѣ имѣлось нѣсколько сѣделъ и цѣлый рядъ всадниковъ: генераль въ треуголкѣ, джентльменъ въ цилиндрѣ, жокей и др. Очень весело было смотрѣть, какъ то тотъ, то другой наѣздникъ галлопируетъ на лихомъ скакунѣ. Но особенно интересно было разсматривать дѣдушкину папку съ рисунками и гравюрами. Чего только не было въ этой папкѣ! И виды Парижа, и гравюры, изображающія исторію Mlle delo Vaslièr, и снимки съ эскизовъ Буше, и цѣлая коллекція иллюминированныхъ картинокъ для вырѣзыванія. Дѣдушка А. И. Розовъ очень любилъ забавляться по

вечерамъ вырѣзываніемъ картинокъ и силуэтовъ. Занятіе это было въ большомъ ходу въ первой половинѣ XIX вѣка; тонко вырѣзанныя изображенія предметовъ домашняго хозяйства, музыкальныхъ инструментовъ и проч., наклеивались на бумажные абажуры, транспаранты и ширмы и украшали гостинныя и будуары нашихъ бабушекъ. Для вырѣзыванія картинокъ употреблялись не ножницы, а особые тонкіе ножи въ формѣ долота. При развитой въ то время домашней жизни вечера часто проводились кругомъ стола, подъ лампой; кто-нибудь изъ семьи читалъ вслухъ, другіе рисовали, вырѣзывали картинки, клеили картонажи; дамы вязали бисеромъ кошельки, чехольчики для зубочистокъ, обтиралки для гусиныхъ перьевъ. Въ дѣтствѣ я засталъ еще въ бабушкиномъ домѣ добрый обычай проводить вечера въ семейномъ кругу, подъ лампой. Мы собирались обыкновенно въ дѣдушкиномъ кабинетѣ; бабушка Юлія Федоровна садилась на диванѣ съ работой, мы располагались вокругъ стола—я съ бумагой и карандашами, сестра съ книгой, тетушка съ картами для пасіанса. Быстро пролетали эти мирные вечера и всегда бывало съ сожалѣніемъ начинаешь прощаться со старшими, когда бабушка, посмотрѣвъ на часы, что стоять на дѣдушкиномъ письменномъ столѣ, скажетъ намъ ласково, но твердо: „ну, дѣти, пора спать!“

